

Работники театра, увидев, что ситуация вышла из-под контроля, бросились разнимать дерущихся и усадили Чэн Фэнтая, суетливо ухаживая за ним. Они наблюдали за происходящим с самого начала, поскольку хозяин театра приказал дать Шан Сижую урок, чтобы тот больше не осмеливался изменять оперы — из-за его переделок зрители часто уходили, не досмотрев представление, и театр терял доход от продажи чая. Сам хозяин хотел проучить Шан Сижую, но теперь ситуация вышла из-под контроля, так как зять командующего Цао вмешался и получил травму.

Управляющий распорядился отправить разъярённого зрителя в полицейский участок, а затем лично извинился перед Чэн Фэнтаем. Чэн Фэнтай, прикладывая к губе холодное влажное полотенце, с сарказмом сказал:

— Теперь появились? А где вы были раньше? Вы ведёте бизнес, а сами стоите в стороне и наблюдаете? Какие у вас намерения?

Управляющий беспрестанно кланялся и извинялся. Сверху спустились Чача'эр и Шэн Цзыюнь. Чача'эр обняла брата за шею, прижавшись щекой к его волосам. Чэн Фэнтай похлопал её по руке:

— Ослабь хватку, Чача'эр, ты меня задушишь.

Шэн Цзыюнь посмотрел на Чэн Фэнтая, но тот не обратил на него внимания. Тогда он спокойно подошёл к Шан Сижую, подняв голову к сцене:

— Сижуй, Сижуй! Хватит петь! Все ушли!

Управляющий, разрываясь между Чэн Фэнтаем и оперой, был раздражён этим представлением и, повернувшись к сцене, поклонился:

— Господин Шан, остановитесь, зрители ушли!

Чэн Фэнтай гневно посмотрел на него:

— Кто сказал, что все ушли? Разве я не зритель? Пой! Допой до конца! Иначе этот удар был напрасным!

Он указал на них:

— Садитесь и слушайте!

Под давлением Чэн Фэнтая Шэн Цзыюнь, управляющий и работники театра, чувствуя себя виноватыми, сели в пустом и беспорядочном зале, чтобы досмотреть представление. Все они были в замешательстве, одни тайно поддерживали лицедея, другие оставались в стороне, наблюдая за происходящим, и теперь украдкой следили за выражением лица Чэн Фэнтая, слушая оперу, которую они не понимали.

Единственным человеком, который чувствовал себя свободно, был Шан Сижуй.

Чэн Фэнтай наблюдал за ним, всё ещё не понимая текста оперы, но восхищаясь его игрой. После такой драки он продолжал петь с такой сосредоточенностью, словно пел для кого-то одного, полностью игнорируя окружающих. Чэн Фэнтай, казалось, почувствовал ту самую харизму, которая когда-то сделала Шан Сижую знаменитым.

Шан Сижуй — это был тот самый Шан Сижуй, о котором ходили легенды.

Он действительно был впечатляющим.

Опера закончилась. Шан Сижуй поклонился зрителям, как это было принято у женщин в старину. Чэн Фэнтай аплодировал, следуя традициям оперного театра, громко крикнув:

— Браво!

Вернувшись за кулисы, Шан Сижуй снял головной убор, но не стал смывать грим, держа в руках костюм и вздыхая. Во время представления на нём было много одежды, и теперь она была испорчена. Пятна от чая на ткани было невозможно вывести. Шан Сижуй не понимал, почему зритель так разозлился — он лишь добавил несколько строк, и ему казалось, что они были удачными. Шан Сижуй чувствовал себя глубоко обиженным.

Чэн Фэнтай, сняв окровавленный пиджак и перекинув его через руку, привёл сестру за кулисы, за ними последовали Шэн Цзыюнь и управляющий. Шан Сижуй, увидев его, отложил костюм и встал.

Управляющий указал на Чэн Фэнтая:

— Господин Шан, это второй господин Чэн.

Поскольку оба они были известными личностями в Бэйпине, полное представление имени было излишним.

Шан Сижуй подумал: «Так это брат Чэн Мэйсинь, Чэн Фэнтай, я знаю его», — и с улыбкой кивнул, назвав его вторым господином. Его голос был тихим и хриплым, словно у больного, совсем не таким, как на сцене.

Чэн Фэнтай, наслушавшись сплетен о Шан Сижуюе, с интересом осмотрел его костюм, чувствуя, словно наблюдает за древней женщиной, переодевающейся. Это было запретно и притягательно. Услышав столько слухов, сегодня он был особенно заинтересован в Шан Сижуюе.

— Господин Шан, вы, должно быть, испугались.

Шан Сижуй улыбнулся:

— Напротив, я благодарен второму господину за помощь. Мне жаль, что вы пострадали из-за меня.

Чэн Фэнтай сказал:

— Значит, господин Шан всё видел? Вы так спокойны, как будто ничего не произошло.

Шан Сижуй подумал: «Я не только видел, как вы дрались, я видел, как вы щёлкали семечки, ваш рот не закрывался весь вечер. И ещё вы позволили девочке бросить в меня что-то — но, учитывая, что вы в конце меня спасли, я прощаю это». Затем его мысли остановились, и он слегка нахмурился, уставившись на Чэн Фэнтая. Он всегда пел с таким безразличием ко всему, даже когда в Пинъяне гремели выстрелы, он оставался невозмутимым. Что же сегодня произошло? Что такого особенного в брате Чэн Мэйсинь?

Шан Сижуй очнулся и улыбнулся:

— Ах... Спокойствие — это то, чему мы учимся в нашей профессии.

Шэн Цзыюнь больше не мог сдерживаться, игнорируя просьбу Чэн Фэнтая «поговорить позже», он подошёл к Шан Сижую, взял его за подбородок и, глядя на его бровь, с тревогой сказал:

— Твоё лицо — оно действительно посинело.

Шан Сижуй позволил ему держать себя за подбородок, улыбаясь:

— Я ещё не смыл грим, как ты можешь увидеть синяк?

Чэн Фэнтай сказал:

— Он есть. Это... мне очень жаль.

Он подтолкнул Чача'эр, и она подошла:

— Сестра, прости. Я не хотела тебя ударить.

Шан Сижуй, получив извинения, был удивлён, даже не поправив, что он не сестра, а брат, и поспешно ответил:

— Госпожа, вы слишком любезны. Это я должен благодарить вас за подарок, вы оказали мне честь.

Чача'эр смотрела на него, не говоря ни слова.

Взрослые обменялись ещё несколькими любезностями, и Чэн Фэнтай сказал:

— Господин Шан, после того как вы снимете грим, я провожу вас. У меня есть машина снаружи.

Шан Сижуй ответил:

— Благодарю вас, второй господин. Не стоит беспокоиться. Сегодня мне нужно многое уладить, много вещей нужно собрать.

Чэн Фэнтай удивился:

— Уладить? Вы больше не будете петь?

Шан Сижуй сказал:

— Буду. Но не здесь.

Управляющий, услышав это, насторожился и осторожно спросил:

— Господин Шан, что вы имеете в виду? Почему вы уходите? Мы что-то упустили?

Шан Сижуй посмотрел на него и медленно сказал:

— Вы всё сделали правильно. Это моё личное решение.

Управляющий понял, что Шан Сижуй раскусил их план наказать его, и, не желая обострять ситуацию, предложил помочь с упаковкой костюмов и реквизита, произнеся несколько вежливых фраз.

Шан Сижуй сказал:

— Не беспокойтесь, я возьму только то, что мне причитается. Но я хочу попросить вас отпустить одного человека со мной — старика, который играл на хуцине. Он мне понравился.

Управляющий сразу же согласился, сказав, что если старик не против, то в башне Хуэйбинь проблем не будет.

Шан Сижуй повернулся к Чэн Фэнтаю с улыбкой:

— Эти закулисные дела, второй господин, вероятно, кажутся вам забавными.

Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Поскольку господин Шан занят, я попрощаюсь.

Шан Сижуй кивнул:

— Да, здесь такой беспорядок, я не буду вас задерживать.

Затем он позвал:

— Сяо Лай!

К нему подбежала девушка с длинной косой в синем платье.

Шан Сижуй сказал:

— Принеси мой лучший пиджак, чтобы второй господин мог надеть его.

Чэн Фэнтай отказался, говоря, что ему не холодно, но пиджак уже принесли, и Шан Сижуй, взяв его за воротник, помог Чэн Фэнтаю надеть.

— Второй господин, не отвергайте.

<http://bllate.org/book/15435/1368550>